

ПАРОНИМИЧЕСКАЯ КВАЗИМОРФЕМИКА И КВАЗИМОРФОНОЛОГИЯ

В статье рассматривается паронимическая аттракция как один из способов поэтического словопреобразования, мотивированного словообразовательной структурой слова и морфонологическими процессами, близкими к общеязыковым. Дается определение «квазиморфемы» как минимального структурного элемента прагматической гиперлексемы. Систематизируются мотивирующие аттракцию морфемы, приводится классификация «квазиморфов», анализируются «квазиморфонологические» чередования, возникающие при паронимической аттракции в поэтическом тексте.

Ключевые слова: поэтическое словопреобразование, словообразовательная структура, формально-семантическая деривация, паронимическая аттракция, квазиморфемика, квазиморфонология, поэтический текст.

Функционально-стилистическое использование словообразовательной структуры слова в поэтической речи всегда было в центре внимания В. Н. Виноградовой [Виноградова 1984]. Паронимические связи слов не были предметом особого рассмотрения, однако основанную на них «поэтическую этимологию» В. Н. Виноградова сравнивала с контаминацией и аналогией как способами поэтического словопреобразования [Там же: 176].

Цель этой статьи — показать и доказать, что основой механизма смыслового взаимодействия этимологически не связанных слов при паронимической аттракции (далее — ПА) становится «морфопросодическое сближение» [Meul 2013a; 213b: 224, 289; ср.: Минаева 2017: 81; Lord 1970: 433], поддержанное морфонологическими процессами, аналогичными общеязыковым [Северская 2015]. А значит, формально-семантическая деривация в этом случае мотивируется словообразовательной структурой слова.

«Отслаиваясь» от морфемы, созвучие, по выражению Г. В. Векшина, семантически намагничивается и морфологизируется, при

этом одна часть звуковой цепи уже не просто «вторит» другой, ища лишь отзвуков: «одно слово “вживляет” своих агентов в другое, инверсивно “ввинчивает” элементы собственной формы в другие или, наоборот, извлекает “в преображенном виде” свое из чужого» [Векшин 2008: 244; ср.: Быстрова, Левицкий 1973: 596–597; Gauthier 1973: 598; Valesio 1974: 1014–1015].

В ПА участвуют как традиционно вычленяемые морфемы, так и элементы «псевдо-» [Григорьев 1965: 19] или, в других терминах, «квазиморфемного» [Лопатин 1977: 41 и след.] уровня. Применительно к поэтическому тексту квазиморфема может быть определена как сегмент лексической единицы, омофонически/омографически эквивалентный сегменту другой такой единицы и содержательно связанный с ней [Lord 1970: 483]. Так как каждому такому сегменту в составе определенной лексической единицы ставится в соответствие набор семантических и морфологических признаков [Ibid.: 434–437], при совпадении некоторых из них квазиморфема может выступать в роли «смыслового корня», объединяющего серию слов. Такой подход позволяет «по аналогии с гиперлексемой семантической — совокупностью однокорневых лексем, — говорить о гиперлексеме прагматической, основанной на общности “блоков выражения”» [Литвин 1975: 80]; соответственно, паронимы могут рассматриваться как «лексико-прагматические» варианты подобной гиперлексемы. Особенно ярко аналогия семантической и прагматической гиперлексем проявляется при так называемой «этимологизирующей» ПА.

Используя языковые модели словообразования и словоизменения и созвучия с реальными приставками и суффиксами, поэты вычленяют в сходно звучащих словах «морфоподобные» элементы.

Корневые морфы составляют абсолютное большинство среди компонентов, связанных паронимическими отношениями. Приведем, располагая материал в соответствии с классификацией В. П. Григорьева, примеры координации корней при ПА:

вокалического типа (согласные совпадают, гласные варьируются) — *Я для него не женщина **ЗЕМ**ная, А солнца **ЗИМ**него утешный свет* (Ахматова); *Мы лишь **МЕЛО**Дии сложили О том, как **МОЛО**Дость ушла* (Соснора);

консонантного типа (варьируются согласные при совпадении гласных) — *Золотая забота, как **ВРЕМ**ени **БРЕМ**я избыть* (Мандельштам); *Там одуванчиков желтых **КАНАВ**ы полны, Словно **КАНАЛ**ы — сухой золотой водой* (Матвеева);

метатетического типа (меняется порядок согласных) — *Возьми ж на РАДость дикий мой поДАРок* (Мандельштам);

эпентетического типа (в консонантный «корень» вставляется согласный) — *СТРУНЫ на СТОНущей лире между двух безнадежных надежд* (Евтушенко);

аугментативного типа (налицо «наращивание» консонантной основы) — *ГОРЯчка ГОРДых парусов* (Пастернак); *нудисты... НАГЛы и НАГи* (Винокуров).

В некоторых случаях аналогично корням в координацию вступают основы слов.

Корни-омонимы — один из наиболее широко используемых источников паронимии: *уКОЛола палец безымянный Мне звенящая оса. ... Посмотри! На пальце безымянном Так красиво гладкое КОЛЬцо* (Ахматова); *Не помню, ЖАЛЬ. Не помню, — ЖАЛЬ, оса, впивайся* (Кушнер); *МОЛитва твоя — МОЛотьба букв* (Жданов); *ЗВЕНело утраченное ЗВЕНю между нами и низшими* (Парщиков). Эффект заключается в том, что повторение определенной звуковой группы, оформляющей корень, воспринимается как повторение основы одного и того же слова.

Наиболее интересны с семантической точки зрения случаи взаимодействия аффиксов с созвучными корневыми морфами: *В НЕОБЪятность НЕБа, ввысь...* (Пастернак); *И облик старой девы ПРОИЗОшел, как ПРОЗа от стиха* (Мориц); *Ты — как Нева, но только до Петра, В предчувствии ВЫСОКих дел петрОВСКих* (Кушнер). В первых двух примерах приставка оттягивает на себя основной признак значения и транслирует его корню (*небо* 'необъятность', *проза* 'производность'); в последнем же, напротив, суффикс под влиянием корня получает дополнительный семантический признак, приближаясь тем самым по значению к «второй основе».

Используя языковые модели словообразования и словоизменения и созвучия с реальными приставками и суффиксами, поэты вычленяют в сходно звучащих словах «приставки»: *проникнуть в ничто, в ко=кон, за=кон* (здесь и далее «квазиморфы» выделены мной — О. С.), *в зрачок, чтобы встретить свое присутствие; но ни начать, ни кончить со=влечение со=ловья / в то, что, не ведая, предвосхитить захочешь* (Драгомошенко); «суффиксы»: *Проходит авг=уст уст, идет тиберий дождей* (Соловьев); и, чаще всего, «корни»: *А я говорю, па=узы наши узы... Ибо связи предметов в тумане прочней, чем без. Ибо узы суть «па» на пуантах...* (Кутик, здесь используется и аналогия

с архаичной словообразовательной моделью, по которой образованы слова *па=водок*, *па=сынок*), *недвижим мнимый со=лов=ей... он ода лов=у*, — *вложен в свет, как тень* (Драгомощенко); *Стрекозы и омут, ос=ины и ос=ы* (Соловьев); *мы, больше ничего не знача, / сойдем в кост=ер своих кост=ей* (Жданов). Во всех приведенных случаях хорошо видна модель деривации поэтической квазиморфемы от морфемы реальной.

При ПА могут наблюдаться случаи перераспределения границ между морфемами в основе хотя бы одного из соотносимых слов. При совпадении корня одного слова с частью корня и аффиксом другого наблюдается «стирание» морфемного шва. Перераспределение происходит: 1) на границе префикса и корня: *Рассветает. И над кузницей ПоДЫМается ДЫМок* (Ахматова); *И ДЫМ поДЫМет хвост трубой* (Мартынов) — выбор варианта корня мотивирован стремлением к «прояснению семантики» связанного корня, который наделяется «предметным» значением; глагол *подыматься* начинает означать способ существования дыма, состояние, вне которого он не мыслится; 2) на границе корня и суффикса: *Суставчатый жиЛИСТый ЛИСТ* (Мориц).

Интерференция квазиморфов наблюдается при осложненной ПА — взаимодействии многоконсонантного паронима, в терминологии Н. А. Кожевниковой, и частично отражающих его консонантный состав коррелятов. Особое внимание — к следующему примеру: *Любите ПЛОТность мира, ТЕПЛОту Земли... На ощупь мир правдивей* (Винокуров) — здесь при помощи корней вводятся смысловые инфинитивы «плоть» и «тепло» (свойство плоти), соответствующие образу «мир во плоти».

Минимум для отождествления «корней» в некоторых случаях может быть представлен сочетанием СГ (где С — консонант, Г — гласный), которое Г. В. Векшин называет «простейшим психологическим и конструктивным, ядерным звеном» звукосмысловой непрерывности текста [2006: 113], постулируя соответствие квазиморфемы фоносиллабеме — «слововому единству, взятому в постоянстве и значимой варьируемости его силлабической структуры и звукового наполнения» [2006: 118].

Квазиморфемы, глубина звукового повтора в которых достигает вида СГС/СГСГС, воспринимаются как имитирующие структуру нормальных для русского языка корневых морфем: *отчетливость паМЯТных МЕТ* (Самойлов); *ПОРАЗительные ПАРАзиты* (Маяковский); *Как ваше ЗДОРОВье, — спросил я, — ДЕРЕВья?* (Мартынов).

Это объясняется, по-видимому, тем, что «именной корневой минимум (СГС) является одновременно и универсальным типом корня в русском языке» [Чурганова 1973: 42]. Квазиморфемы, имитирующие структуру корня СГ (глагольная основа), немногочисленны.

О квазиморфонологии ПА, при всей ее парадоксальности, позволяет говорить наблюдаемая аналогия закономерностей процессов взаимоприспособления квазиморфов с теми явлениями морфемного шва, что отмечаются грамматикой русского языка.

Наиболее характерными для ПА следует признать чередования звуков в основе.

Чередования опорных согласных подробно рассматриваются Н. А. Кожевниковой [1981; 1982] и Р. Г. Кадимовым [Кадимов 1985: 83 и след.]. Используя их терминологию, выделим два основных класса изменений — вариации и собственно чередования.

К первому относятся «фонологически» мотивированные чередования согласных: 1) по глухости-звонкости: *вТорженья Дрожь* (Пастернак); *ПоГружался я в море клевера, Окруженный сказками пчел* (Блок); 2) по твердости/мягкости: *гРАдом на гРЯдку*; *ПЫль глотала дождь в ПИюлях* (Пастернак); *ты вТЯнут в ТАнец их* (Жданов); 3) по месту или способу образования: *многодуМные дуБы* (Кушнер); *И взамен Камор — Хоромы* (Пастернак); *В лужах, полных неБесной Весною...* (Матвеева).

Особо стоит остановиться на вариациях сонорных: *Вошла ей в душу игРа — игЛа* (Евтушенко); *сылет осеНь на нас сеМена* (Вознесенский); возможно также чередование сонорного с полугласным: *Прими же боЛЬ, как боЙ* (Вермишева). Любопытно, что поэты могут осознавать сонорные, как звуки одного класса, располагая их парами: *р-л, м-н* [Шаламов 1976: 135]; именно поэтому даже без поддержки тождественными гласными «парные» сонорные способны отождествлять паронимические корни: Весь *мир* казался *мал* (Винокуров).

Собственно чередования мотивированы аналогичными морфологическими чередованиями согласных русского языка: *поЖар Зари* (Блок); *вьюЧить вьюГи* (Пастернак); *узколиЦая певица улиЧная* (Цветаева); *зрение разлиТое разлиЧий не разлиЧает* (Паршиков).

Сложнее классифицировать и объяснить чередования гласных. Различия в огласовке консонантного каркаса квазиморфемы воспринимаются как чередования лишь в том случае, если гласные занимают одну позицию в «корне» или чередуются с нулем звука. Чаще всего встречаются чередования: 1) гласный/ø — *голубые глубины* (Мартынов); *город горделивый* (Ахматова); 2) о/а — *И проводы, как провода, отТЯнуты в затОны* (Пастернак); *романтика барОчности*

барАчной (Евтушенко); 3) *о/е* — *весЕнный сОн* (Блок); *грЕшок грОшовый* (Цветаева); 4) *а/е* — *трАва* — *от всяческих трЕвог* (Цветаева); 5) *е/и* — *Я коллЕгой явился в твой дом — не калИкой* (Евтушенко); 6) *о/у* — *лоб склонивши в глУбь ладонную* (Цветаева); 7) *а/у* — *Рябину рубили зорькою* (Цветаева); 8) *а/и, ы* — *И не жАлость — мало жИл...; И дАнь моей гордЫне женской...* (Цветаева); 9) *и,ы/у* — *настЫрные настУрции* (Евтушенко); *крИк накрУчен* (Вознесенский). В некоторых случаях различие графофоном компенсируется тождеством или близостью соответствующих им реальных звуков: *И ризой городская гарь...* (Блок); *И слава будет не слова...* (Тарковский); *слетает лист кленовый* (Самойлов).

Трансформируя исходную систему языковых средств оформления морфем и морфонологической структуры слова, ПА имитирует общезыковые модели. Как отмечает Л. В. Зубова, «паронимическая аттракция... нередко опирается на совпадение звуковых различий, как вокалических, так и консонантных, с историческими чередованиями» [1987: 20]; при этом чередования осмыслены именно как грамматические: «квазифонетика — это фонетика реальных словоформ и паронимических квазиморфем одновременно» [Григорьев 1979: 294]. Речь здесь, как представляется, должна скорее идти не о квазифонемах, а о квазиморфонемах, т. е. единицах, отражающих единство фонем одного класса, рассматриваемых в качестве компонентов реальной квазиморфемы (морфа); фонема при паронимии в большей степени «интегратор», нежели «различитель» смысла [Там же].

Впрочем, современные поэты обращают большее, чем их предшественники, внимание именно на смысловозначительную роль фонем, участвующих в ПА. Можно говорить в таком случае о возникновении при ПА звуковой метафоры, но можно увидеть в таких сближениях и реализацию некой модели «словоизменения» или «словообразования».

При классификации типов квазиморфем можно исходить из предположения, что единицы морфо-семантического уровня, получаемые при неопредельном разложении слова, могут быть как сегментными, так и суперсегментными (например, *рОПОТ — тОПОТ* vs. *рОпОт — зОмОн, хОхОт*; об этом см.: [Lord 1970: 442]). Это подтверждается представлением о квазиморфеме как семантическом множителе, который может кодироваться способами 1) сжатия слова до консонантной свертки или 2) лексикализации слова — усечения основы, приводящего к нейтрализации словоизменительных

и необходимой части словообразовательных отношений, а также различий между однокоренными частями речи [Караулов 1980: 10–11].

Один из классов сегментных квазиморфем представляют омонемы — омонимичные сегменты коррелирующих паронимов: а) соотносящиеся с природными корнями; б) омонемы, не имеющие природных языковых аналогов; к этому же типу относятся омонемы с минимальными чередованиями.

Другой класс, кодирующие сегменты — это а) инициальные омонимичные сегменты основ коррелятов, инициальные сегменты корней, а также квазиомонимичные сегменты; б) морфемы и сегменты основ, различающиеся лишь порядком следования согласных. «Сегмент, — пишет Ю. Н. Караулов, — это своего рода квазиоснова, исключительно семантический идентификатор слова, и способ его получения именно таков, что он выполняет одну-единственную функцию — быть единицей смысла, однозначным средством для опознания семантики слова. Поэтому можно утверждать, что план выражения квазиосновы (побуквенный состав) равен, тождествен его плану содержания» [1980: 11].

Среди суперсегментных квазиморфем можно выделить паронимические «трансфиксы» — консонантные «свертки», имеющие не только различные огласовки (не подводимые под понятие чередования), но и допускающие изменение порядка следования фонем: *ДРоЖань* губ и *ДеРЗость* глаз (Цветаева); *Идешь по инею ДоРоЖки*, как по настилу из *РоГоЖ* (Пастернак); *ВулКаН-ВеЛуКаН* в отдаленье дымит (Матвеева); *ТеПло* в *ТуЛуПах* (Васильев); *Но у СеКРеТов* — голые *СКеЛеТы* (Мориц); а также «конфиксы»: *ЛАЗурь* да *ГЛина*, *ГЛина* да *ЛАЗурь*. ... *Скорей ГЛАЗа* сощурь, *Как близорукий шах над перстнем бирюзовым*, *Над книгой звонких глин...* (Мандельштам); *Генералы СВИТы*, *Славою уВИТы* (Окуджава). Роль конфикса заключается в том, что он позволяет представить группу слов, соотносимую с доминирующим компонентом паронимического сочетания, как единое целое; это суперсегментная единица, выделяемая уже на синтаксическом уровне.

Семантические возможности квазиморфем разных типов различны. Наиболее богатыми в содержательном плане следует признать омонемы, в полной мере обеспечивающие отождествление «корней» в прагматической гиперлексеме. С координацией омонем связаны и многочисленные случаи поэтической этимологии.

Омонимичные кодирующие сегменты становятся знаком морфосемантического поля, с которым потенциально может соотноситься

каждый пароним сочетания: 1) *СТРЕ*- «быстрое движение» — *стремиться, стре-жень, стре-ла, стре-коза.*; 2) *СТА*- «устойчивость», «прочность» — *ста-бильный, ста-вить, ста-до, ста-ль, ста-н, ста-пель...*

Консонантные «свертки» — скорее показатель соотношения семантических классов, в который входят коррелирующие паронимы, самый общий код семантики слова.

Подобно тому, как одна квазиморфема может представлять собой пучок соответствий, ее семантическая структура также может иметь несколько вариантов. В этом случае можно говорить о конкретных словесных реализациях квазиморфемы как о «лексико-семантических» вариантах прагматической гиперлексемы.

ЛИТЕРАТУРА

Быстрова Л. В., Левицкий В. В. Фонетическое сходство семантически связанных слов // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. Bd. 26. Hft. 6. Berlin: Akademie-Verlag, 1973, ss. 501–601.

Векшин Г. В. Очерк фоностилистики текста. Звуковой повтор в перспективе смыслообразования. М.: Изд-во МГУП, 2006. 461 с.

Векшин Г. В. Метафония в звуковом повторе (к поэтической морфологии слова) // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 90. С. 229–250.

Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. М.: Наука, 1984. 184 с.

Григорьев В. П. Словарь языка русской поэзии: Проспект. Образцы словарных статей. Инструктивные материалы. М.: Наука, 1965. 223 с.

Григорьев В. П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 343 с.

Зубова Л. В. Потенциальные свойства языка в поэтической речи М. Цветаевой (семантический аспект). Л.: ЛГУ, 1987. 87 с.

Кадимов Р. Г. Паронимическая аттракция в русской советской поэзии. Дис. ... канд. филол. наук. М.: ИРЯ РАН, 1985. 210 с.

Караулов Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М.: Наука, 1980. 207 с.

Кожевникова Н. А. Из наблюдений над звуковой организацией стихотворного текста // *Проблемы структурной лингвистики 1979*. М.: Наука, 1981. С. 181–194.

Кожевникова Н. А. Об одном приеме звуковой организации текста // *Проблемы структурной лингвистики 1980*. М.: Наука, 1982. С. 269–284.

Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи. Изд. 2-е, стер. М.: URSS, 2005. 117 с.

Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. М.: Наука, 1977. 315 с.

Минаева Л. В. Лексикология и лексикография английского языка. English lexicology and lexicography / Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 225 с.

Северская О. И. Паронимическая аттракция как феномен межуровневого взаимодействия в языке и тексте // Основные тенденции развития поэтического языка в XX—XXI вв. / Отв. ред. Н. А. Фатеева. М.: ИЦ «Азбуковник», 2015. С. 20—107.

Чурганова В. Г. Очерк русской морфологии. М.: Наука, 1973. 239 с.

Шаламов В. Т. Звуковой повтор — поиск смысла // Семиотика и информатика. 1976. Вып. 7. С. 128—152.

Gauthier M. *Les équations du langage poétique / Thèse du Docteur d'Etat*. Lille: Ed. Univ. de Lille, 1973. 624 p.

Guiraud P. *Structures étymologiques du lexique français. Langue et langage*. Paris, Larousse, 1967. 211 p.

Lord R. A new concept in structural semantics. The homoneme. *Actes du X-e Congrès International des Linguistes*. Bucarest, 1970, vol. II, pp. 433—441.

Meul C. *The Romance Reflexes of the Latin Infixes -I/ESC- and -IDI-: Restructuring and Remodeling Processes*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2013a. 327 p.

Meul C. Variable conditioning of a morphological mechanism. *The Boundaries of Pure Morphology. Diachronic and Synchronic Perspectives*. Cruschina S., Maiden M., Smith J. Ch. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013b, pp. 68—94.

Valesio P. Paronomasia and the articulation of phonological rules. *Proceedings of the XI Int. congress of linguists*. Bologna: II Milano, 1974, pp. 1006—1016.